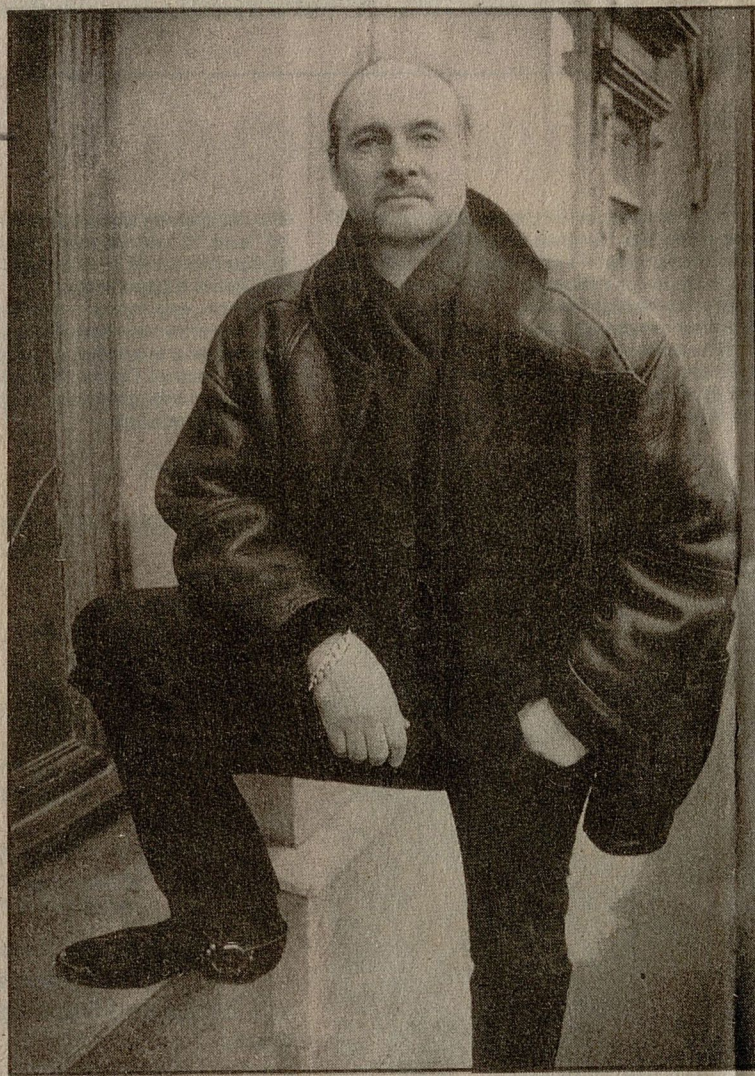

Существуют легенды цирка и люди, таковыми пока еще не ставшие. У Владимира Довейко-младшего есть все предпосылки для того, чтобы в будущем его имя, как имя его отца, без преувеличения великого акробата, обросло мифами. И дело тут не в родственных отношениях. Сын создал аттракцион "Русские качели", который по сути положил начало новому цирковому жанру. Его акробаты стали взлетать с земли на высоту четырнадцать метров, то есть поднялись на "этаж" воздушного полета над сеткой. Зрелище потрясающее, которое западная пресса окрестила как аттракцион "Русские самоубийцы". Не случайно Владимир Довейко владеет комплектом наград международных цирковых конкурсов, которого нет ни у кого, — золото Вероны, серебро Монте-Карло и китайский "Золотой лев".

Владимир
ДОВЕЙКО:

Взлет клуб. - 1996. - 25 апр. - с. 7

Самым страшным для Дон Жуана было получить плохую характеристику от Дзержинского

— В старинных иностранных фильмах некие злодеи-конкуренты исподтишка всячески вредили своим более талантливым соперникам: подпиливали страховочную оснастку, чтобы, значит, он из-под купола вниз головой, вписывая свою фамилию в афишу на его место огромными буквами. А нет ли такого способа разрешения творческих споров в нашем цирке?

— Представь себе, сейчас нет. А вот раньше, когда был СССР, в условиях жесточайшей конкуренции — за границу ездили считанные единицы — можно было вдруг обнаружить, что подпилила подкидная доска. Или надрезана лонжа. Бывало, что животным подсыпали в пищу иголки. Все это происходило крайне редко и при этом очень искусно. Никого за руку так и не схватили.

А вообще-то в цирке подавляющее большинство — хорошие люди, которые желают тебе помочь, а не спихнуть в яму. У меня был случай, когда акробат Вячеслав Курбанов, который выступал раньше в том же жанре, что и я, и мог бы, кстати, испытывать ко мне определенную ревность, спас мне жизнь. Он пришел за кулисы, глянул на мою ходулю да и говорит: "Она же у тебя треснула!" И если бы я в этот вечер с ней работал, то наверняка воткнулся бы головой в манеж.

— Один из твоих акробатов исполняет рекордный трюк: двойное сальто-мортале с двадцати метров с приземлением на мат. Где ты берешь таких суперменов?

— Беру спортсменов-гимнастов и даю им свою школу акробатики. Причем работаю с людьми, которые по каким-либо причинам не достигли вершин в спорте. Например, Сергей Камышников был мастером спорта, а здесь он стал настоящим гигантом — исполняет трюк, о котором ты сказал.

— А как начинал ты? Наверное, с детей известных артистов особый спрос?

— Еще бы! У меня очень долго ничего не получалось. И все издевались: у такого отца растёт бездарный сын. Причем это были не только закулисные разговоры, отца по этому поводу порой подкалывало начальство. Он очень расстраивался. У меня же порок сердца. Отец пробовал со мной работать, но врачи запретили. Однако в 14 лет отец сказал, что пора начинать. И оказался прав. Порок компенсировался за счет того, что у спортсменов расширенное сердце. И в 17 лет наступил резкий прорыв.

— Тогда же и пошел твои мировые рекорды?

— Я прыгал с подкидной доски на одной ходуле. И в 17 лет, в 68-м году, исполнил сальто-мортале прогнувшись, так называемый "бланш". Через два месяца исполнил то же самое, но с пируэтом на 360 градусов. Еще через год — с пируэтом на 720 градусов, то есть с двумя "винтами". Потом было двойное заднее сальто-мортале. Это были мировые рекорды. До 80-го года я был единственным исполнителем этих трюков.

В 80-м ушел от отца и создал свой акробатический ансамбль "Русь". А потом начали

сказываться травмы позвоночника. Когда на ходуле приземляешься не на мат, как это стали делать недавно, а на жесткий манеж, то получается сильнейший удар в позвоночник. Чего только у меня не было — компрессионный перелом позвоночника, смещение на сантиметр... Но на это, как правило, никто не обращает внимания: если больно, то принимай сильнодействующее лекарство и продолжай работать. Вот если сильно разобьешься да еще при этом сломаешь какую-нибудь конечность или головой к манежу приложишься — тогда уж в больницу на койку... В 82-м у меня вдруг начали отниматься ноги. И я ушел.

— Во сколько лет дают пенсию цирковому акробату?

— Недавно стали давать после пятнадцати лет работы на манеже, а тогда — после двадцати.

— И ты...

— Да ты смеешься, что ли? Уйти на пенсию?! К тому времени у меня за плечами был уже факультет режиссуры цирка, эстрады и массовых представлений ГИТИСа, были постановки в пермском и сочинском цирках. Перестав прыгать, я выпустил несколько клоуновских ансамблей. А потом опять вернулся в акробатику, но уже руководителем аттракциона и режиссером.

— Расскажи, пожалуйста, об отце, Владимире Довейко-старшем.

— Он великий артист, на котором воспитывалось несколько поколений цирковых акробатов. Зовут его Генералом. А работать в цирке он начал ребенком в 29-м году. Первым в

мире исполнил, например, четыре сальто-мортале. Отец — народный артист, кавалер боевых и трудовых орденов, золотой лауреат конкурса в Монте-Карло. Сейчас у него прекрасная труппа, с которой он успешно гастролирует по всему миру.

— Наверное, цирковое детство — это очень непросто?

— Как в песне: "Мой адрес не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз". Средняя Азия, Сибирь, Кавказ, Украина, Прибалтика, Белоруссия... В моем сознании Советский Союз остался неразрывным. Где бы мы ни ездили с гастролями, всюду нас прекрасно принимали.

— Кстати, о застольях. Как акробаты относятся к спиртному? Ведь токарь с похмелья максимум запорет деталь, а работая под куполом...

— Я придерживаюсь принципа: если хочешь пить, пей, но со мной ты не работаешь.

— А знаешь ли ты противоположные примеры?

— В 60-е годы в аттракционе моего отца был акробат, который начал первым исполнять двойное заднее сальто-мортале на двух ходулях. Он боялся делать этот трюк. И за пять минут до выхода для куража выпивал 50 граммов водки. Потом, когда этой дозы перестало хватать, был вынужден перейти на 100 граммов, потом на 200, 300. Когда об этих экспериментах узнал отец, он тут же уволил этого артиста.

— Кстати, а как в цирке насчет женщин? Я имею в виду не их социальную защищенность...

Клубные встречи

— Я тебе могу задать такой же вопрос: а как в газете? Да все нормально. Правда, цирковая специфика все же присутствует. Мы же артисты, а к артистам слабый пол всегда относился хорошо. К тому же в каждой программе есть как минимум один прожженный Дон Жуан. Еще идет представление, а он уже рассматривает публику: "Вон, вон — рыженькая! Моей будет! А тебе, Серега, сосватаем вон ту брюнетку..." И что самое любопытное, после спектакля все развивается примерно по такому сценарию...

— А что же со стороны берете, своих, что ли, мало?

— Ну, во-первых, со своими не та романтика, во-вторых, большинство цирковых — чьи-то жены, сестры, невесты... Хотя и сравнивают цирковых артистов с цыганами, но у нас совсем не такой замкнутый круг, как у них, куда не могут попасть чужие люди.

— А как такие отношения решались на международных гастролях в стародавние времена? Ты же начал ездить в 67-м. С одной стороны, полгода вдали от дома, от привычных русских поклонниц, с другой — "руссо туристо — облик морале!"

— Как и во всем, в этом деле присутствовал советский идиотизм. К гастроллирующей труппе прикреплялись два гз-

шал принять участие. Номер у меня пока еще не был окончательно подготовлен, и я вежливо отказывался. К тому же на этот конкурс ехали наши Борзовы, работающие в жанре воздушного полета. Они должны были наверняка получить золотые награды. Но я отказался. И вдруг у меня все прекрасно пошло. И руководство компании "Российский цирк" решило, что наш номер должен ехать в Монте-Карло. Понятное дело, что человеку, вначале отказавшемуся от участия, а потом внезапно свалившемуся как снег на голову, на теплый прием рассчитывать не приходится. Так оно и вышло. По очкам мы с Борзовыми существенно опередили всех остальных, но вторым золотом принц наградил шпехштаймайстера, который вел программу.

— Но ведь был сбой.

— Если бы его не было, то я отказался бы получать серебро. Хотя серебро в Монте-Карло — высочайшая награда, которую в свое время получали Куклачев, лучший жонглер мира Игнатов. Но я знаю цену своему аттракциону. Да, на двух конкурсных выступлениях у нас один трюк получился не с первого раза. Но в цирке это нормальное явление, потому что повторенный трюк — это признак характера. Артист, который его выполнял, упал, и его увели с манежа, вызвали "скорую помощь", было сотрясение мозга. Все это было крайне неприятно. Но он работал и на следующий день.

— Жуть какая!

— Никакой жутки, он сам рвался в бой. И я дал ему возможность доказать, что он может. И опять был срыв. Но для меня важнее было не потерять акробата, чем получить чистое золото.

— Мы познакомились с тобой как поэты, и лишь потом я узнал о твоих цирковых делах. Когда ты начал писать?

— В двенадцать лет я открыл для себя Маяковского, и он меня ошеломил. И я начал писать под него в огромных количествах всякие наивные вещи. Потом были Пушкин, Лермонтов, Есенин, были наши современные поэты. И через стихи Вознесенского я понял, что такое поэзия. И осознал себя поэтом. Потом Мандельштам и Бродский стали моими кумирами... Смерть Бродского была для меня как потеря близкого человека. В забытии написал какое-то стихотворение, потом портал...

— Будут ли когда-нибудь международные цирковые фестивали проводиться в России?

— Представь себе, да. В октябре этого года на Красной площади состоится Первый московский международный фестиваль. Автор этой идеи — вице-президент компании "Российский цирк" Александр Дмитриевич Калмыков, один из лучших наших режиссеров и директоров цирков. Думаю, что этот фестиваль отберет пальму первенства у Монте-Карло, ведь наш цирк сильнее.

— Примешь ли ты в нем участие?

— Конечно, я хотел бы. И меня уже пригласили. Но все зависит от того, буду ли я в это время на гастролях в Японии или нет.

— Желаю получить четвертую награду, непременно золотую.

Встречался
Владимир ТУЧКОВ.
Фото
Игоря ИВАНДИКОВА.